

Антон Патрушев

*Двадцать
лет
до экватора*

сборник рассказов

Антон Патрушев
Двадцать лет до экватора.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27434355
ISBN 9785448597381*

Аннотация

Не случайно сборник назван «Двадцать лет до экватора». В нем подобраны рассказы за последние двадцать лет. За период, который привел меня сюда, на экватор жизни. Он случается у всех в то или иное время, и, проходя его, мы становимся другими. Вот и в моей следующей книге будут совсем другие истории. Но оставлять эти рассказы за бортом я посчитал несправедливым.

Содержание

От автора	5
Предисловие	6
До начала	10
Переход	15
Доброе утро!	17
Белый город	22
Зеленый заяц	31
Метель	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Двадцать лет до экватора

Сборник рассказов

Антон Патрушев

© Антон Патрушев, 2017

ISBN 978-5-4485-9738-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Прежде чем ты начнешь читать, позволь сказать несколько слов об этой книге. Не случайно сборник назван «Двадцать лет до экватора». В нем подобраны рассказы за последние двадцать лет. За период, который привел меня сюда, на экватор жизни. Он случается у всех в то или иное время, и проходя него, мы становимся другими. Вот и в моей следующей книге будут совсем другие истории. Но оставлять эти рассказы за бортом я посчитал несправедливым.

Рассказы, которые ты увидишь здесь, конечно, далеко не все за это время и очень разные. Например, рассказы из серии «Мир одного часа» названы так именно потому, что каждый был написан ровно за час. Рассказы серии «Игра слов» создавались в одном маленьком сообществе пишущих людей, как игра, в которой нужно было написать законченный текст с употреблением определенных, порой, никак не связанных друг с другом, слов. А рассказ «Смерть Палача» неожиданно перерос в роман, над которым я сейчас работаю.

Но как бы они не отличались друг от друга, в каждом из них есть частичка меня. И я очень надеюсь, что, прочтя книгу, ты найдешь ту, которая придется тебе по душе.

Ну, а если захочешь о чем-то спросить меня или сказать мне, пиши по этому адресу anton-patrushev@yandex.ru

Предисловие

Слова «Автора! Автора!» обычно приписывают восторженным зрителям в театре. Но только ли там можно воскликнуть так в порыве восторга или разочарования, в предвкушении триумфа друга или провала недруга? Пожалуй, нет. Первобытный охотник, не владеющий навыком и культурой письма, все же читал письмена, оставленные потенциальной жертвой. Первое, что он хотел понять по следам животного, по этим письменам природы, было, конечно, знание о том, кто оставил эти следы, об их авторе. Свое дальнейшее поведение охотник строил уже на основе этого знания. Мы не беремся сейчас изучать первопричины появления письменности, но несомненно, что одной из них стала необходимость передачи информации одним человеком другому. К сожалению, текст – это уже не отпечаток чьих-то ног на земле, посмотрев на который, сразу можно сказать, кто его оставил. С появлением письменности личность написавшего тот или иной текст прячется за безликие символы, будь то буквы, иероглифы или что-то другое. Конечно, можно по характерным особенностям почерка узнать человека, но только если нам хорошо знаком этот человек. Как же, быть, к примеру, египтологу, который расшифровывает надпись на очередной находке? По сути своей, он не только пытается открыть для себя и всего человечества очередную страницу

истории, но протянуть незримую руку людям давно ушедших дней, установить с ними призрачную связь. Читая строки летописи или поучительную древнеарабскую сказку, мы слышим голос автора, обращающийся к нам, своим потомкам. Мы понимаем, что он предназначал свое произведение не только своим современникам, но и нам. Это нечто схожее с письмом. Летописец (автор сказки) написал это письмо и адресовал его нам, на что прямо и указывает. На первый взгляд, все в порядке. Но мы читаем не только такие тексты. Мы жадно проглатываем содержание коротеньких берестяных грамот, в которых в унисон стучат влюбленные сердца двух жителей древнего Новгорода, с большим любопытством изучаем переписку кого-то из великих со своей возлюбленной. Разве эти письма предназначались нам? В нашем обществе существует моральный запрет на чтение чужих писем, так почему же мы относимся к текстам прямо нам не адресованным, иначе? Здесь, конечно, можно сослаться на нужды Клио, дескать, это уже не просто письма, а достояние истории. Отчасти это и правомерно, но не стоит забывать, что их автор был человеком со своими мыслями, чувствами. Нельзя об этом забывать и беспардонно вторгаться в чужую жизнь, пусть даже она закончилась много лет или столетий назад. Это то, что касается роли автора текста в истории. Существует еще и литература, и многие ее авторы здравствуют тогда, когда миллионы восхищаются их творениями. Казалось бы, здесь то уж точно автор пишет для нас и говорить о неэтич-

ности читателя просто неуместно. Однако, так ли это на самом деле?

Как часто знакомые люди при встрече спрашивают друг друга о том, читал ли он (она) последнюю книгу (рассказа, повесть и тп.) такого-то автора. Зачастую людям интересно уже не столько само произведение, а непосредственно личность автора. Сквозь призму личности автора пытаются рассматривать конкретный его текст или наоборот, сквозь призму текста рассматривают автора. И как-то незаметно на второй план уходит тот факт, что увидеть четкую и полную картину нельзя, пользуясь опосредствующими предметами. Нельзя получить посредством призмы правильное изображение. Тем более, если призмой являются такие тонкие материи, как человек или текст. Автор, совершая акт самопожертвования, дарит нам свои чувства, мысли, душу в оправе своего произведения. Он первый протягивает нам руку навстречу. В ответ на это пристрастный читатель, пусть даже из лучших побуждений, начинает выворачивать текст наизнанку, пытаясь докопаться до некой абстрактной истины. Конечно, таких меньшинство. К счастью, почитатели таланта того или иного автора принимают очередное его творение полагаясь больше на сердце, чем на холодный рассудок. И это одно из самых отраднх мгновений для автора.

Подводя итог, можно сказать, что пока в отношениях ав-

тора и читателя преобладает парадигма «человек – человек», а не «специалист – автор», культура текста сохранится в первоначальном виде. И хотелось бы призвать простых читателей и маститых специалистов не забывать, что за абстрактной фигурой под названием «Автор» стоит Человек.

До начала

Я изгнанник. Мой народ бросил меня в никуда. Здесь нет ничего, нет даже самого «здесь». Иногда мне кажется, что и меня самого нет. Хотя, наверное, все – таки я есть, раз уж я решил рассказать вам эту историю. Историю своего изгнания. Может быть, она послужит уроком или хотя бы скрасит пять минут досуга.

При рождении никто не заметил никаких отклонений. Как только я родился, и меня освободили от пуповины, я протер все три глаза, и бодреньким шагом направился куда-то по своим надобностям. Впоследствии все попытаются свалить именно на этот инцидент, но мне кажется, не целесообразно обвинять во всем скользкий пол, тем самым, придавая ему судьбоносное значение. Просто это были мои первые шаги, и пол был действительно скользкий. Я упал. Упал довольно неудачно и карикатурно. Самое неприятное, что после падения перестал видеть один из моих глаз, тот, что на лбу. Одной медсестре показалось смешным, то, что меня так раздосадовало. Она захохотала. Тут произошло нечто абсолютно нереальное. Я только подумал о том, как хорошо было заткнуть эту бренькающую куклу, и мысленно произнес: «Да будет так!», как в воздухе появилась довольно большая пробка и наглухо заткнула рот оторопевшей мед-

сестре. До сих пор я радуюсь, что тогда не пожелал ей смерти. Вскоре это событие отошло на второй план, так как падение сказалось на моей голове. Я начал расти. Сам этот факт вряд ли удивил кого-нибудь, но то, что у меня на процесс развития ушло около двадцати лет, вместо положенных нескольких минут, было уже из ряда вон выходящим событием. Меня изучали представители всех наук и всеми возможными и невозможными способами. Меня это мало заботило, заботило меня другое. Я был одинок, все двадцать лет. Мне так хотелось найти если не друга, то хотя бы слушателя. Не очень-то приятно общаться только с самим собой так долго. Но как бы там ни было, а дотянул я до общей планки развития. И вот бы мне радоваться и горя не знать, да только тут-то и начались все мои настоящие беды.

Первое, что я увидел на улице, были двое, которые о чем-то спорили. Один убеждал другого в том, как бы ему было хорошо привлечь внимание некой особы. Мне было сложно понять, почему он убеждает своего соплеменника в том, что было бы хорошо не для собеседника, а для него самого. Я просто подошел и спросил: «Если смогу тебе помочь, ты будешь мне другом?» Он сказал, что конечно, и, причем будет мне другом до какой-то доски, я не совсем понял смысл его слов. Я попросил его описать, как бы он хотел привлечь ее внимание. Тут я услышал ту роковую фразу, что он хочет привлечь ее внимание чем-то ярким, громким и неожидан-

ным. Мне сложно описать, что я почувствовал в тот момент, помню только то, что пришло понимание моей силы. В голове стучало: «Ты все можешь!» Забытая фраза «Да будет так!» всплыла в памяти помимо моей воли. И зачем я подумал тогда про лопнувший воздушный шарик? Наш соплеменник стал надуваться, взлетел вверх и с шумом лопнул высоко в небе. Что ж, по крайней мере, внимание я к нему привлек. Молва об этом случае быстро заполнила улицы городка, и вскоре мне пришлось уехать. Мысль о моем всемогуществе преследовала меня постоянно. Что мне было делать? Я мог буквально все. С трудом я научился контролировать свою силу, и решил помогать людям скрытно. Мне удалось подружиться с одним соплеменником, мы работали вместе. Вскоре я узнал многие его тайные желания и стал ему помогать. Все шло хорошо, пока я опять не совершил ошибку. Решив, что могу ему доверять, рассказал другу обо всем и подкрепил свои слова парой примеров. Реакция его была странной и неожиданной. Он завыл, завыл как смертельно раненый зверь.

– Зачем ты испортил мою жизнь!

– Но я же хотел помочь, как лучше. У тебя же все получилось.

– Нет! Это у тебя все получилось, а я не стою и ломаного гроша без твоей помощи!

– Но важен же результат.

– Нет, важно самому достичь своей цели, и это гораздо важнее результата. Неужели ты не понимаешь?

Я не понимал. На следующий день моего друга нашли мертвым, он повесился. Тогда я сдался властям. Я мог бы его оживить, но за это предложение его родственники чуть не убили меня. Я был сломлен и опустошен. Состоялся суд, который никак не мог выбрать меру наказания, пока я сам не предложил сослать меня в никуда. На том и порешили. Я стал изгнанником навеки. И теперь я здесь.

Теперь я здесь. Хотя, даже непонятно, где это здесь. Здесь даже не пусто, потому что нет самой пустоты. Довольно неприятное ощущение. Под словом «здесь» проще всего понять точку в пространстве. А как быть, если пространства нет, и, одновременно с этим, оно бесконечно? Думал, я привык к одиночеству, но здесь оно в абсолюте своего проявления. Мне кажется, я начинаю понимать моего друга. Видимо, важно не просто достичь цели, но достичь ее своими силами. Но они же не могут этого сделать, только я, волею судьбы, оказался всемогущим. Да, загадка... Есть! Я создам существ полностью подобных мне, я дам им шанс распоряжаться своей жизнью, и самым большим грехом для них будет не воспользоваться своими возможностями, своей силой. Я создам их прямо сейчас, здесь.

Для начала очертим это пресловутое «здесь». Ага, вот – земля, а вот и небо. Хорошее начало. Что ж, продолжим. «Да будет свет!»»

Переход

Небольшая муха, сильно напоминающая муравья с крыльями, волочила по песку ложе для своей личинки. Черный паук, еще живой, но полностью парализованный, распластался в лапах заботливой мамыши. Она тащила кокон, который нужен был для питания потомства. Тащить было неудобно, лапки кокона не гнулись и цеплялись за песчинки. Муха, протащив свою ношу несколько сантиметров, отлетала вперед, выбирала дорогу и снова тащила. Вернувшись в очередной раз, она не потащила паука дальше, а покружила над ним и улетела. Паук умер. Ей нужна была живая плоть, а не мертвая оболочка.

Каждого живое существо умирает за мгновение до собственной смерти.

Большой шмель был сбит испуганным ребенком. Он ударился о забор и начал беспорядочно ползать по земле. Рука ребенка-победителя насадила шмеля на зубочистку, проткнув мягкое брюшко беспозвоночного. Ребенку было просто интересно. Моторчик шмеля работал все с большими переборами, крылья то бешено мелькали, то чуть заметно подергивались. Лапки загребали воздух. Ребенок вертел зубочистку в пальцах, с интересом наблюдая чужую агонию.

Постепенно все движения шмеля затихли и сошли на нет. Его тело было брезгливо стряхнуто на землю. В этот момент шмель дернулся и полетел. Он был обречен. Натыкаясь на разные предметы, упал на асфальт и, загребая двумя лапами, начал крутиться на месте. Вскоре лапы его подогнулись, и он остановился навсегда.

Каждое живое существо умирает за мгновение до собственной смерти.

Глаза человека продолжают жить в момент его перехода.

Доброе утро!

«Доброе утро, дорогие радиослушатели! В городе семь часов утра. Говорит радиостанция...» О, Господи! Забыл выключить вчера будильник, а ведь сегодня выходной. Надо открыть глаза. А надо? Нет. Главное найти пульт управления от музыкального центра. Черт, ландшафт одеяла такой неровный, рука натывается все время на холмы и кратеры. Плоский и прямоугольный мир. Его жители вполне справедливо полагают, что есть край света. Наконец, рука достигает его и обрушивается на пол. Ага! Вот тапочек, а в него я вчера сунул пульт управления. А какой это тапочек? Неужели правый? Нет, только не это. Пульт я пристроил в левом! Почему я всегда раскидываю тапочки с разных сторон кровати? Ничего, у меня есть еще одна рука в запасе. Все начинается сначала. Осторожно левая рука двигается по одеялу, опять я беспокою жителей этого мира. Наркотик сна действует все сильнее, я должен успеть выключить радио, должен. Эта мысль отвлекает меня от управления рукой, и она вырывается на свободу. Сравняв с поверхностью одеяла пару гор, она вползает в небольшой городок. Первой ее жертвой стали городские ворота, которые исчезли в облаке пыли и щебня. Большой палец зацепил ратушу, и она превратилась в Пизанскую башню. Тут мне удалось совладать с рукой, я поднял ее, и огромным усилием перенес на край кро-

вати. Что же они так кричат, эти маленькие человечки? Ну, почию я им ворота и поправлю башню. В конце концов, это мое одеяло. Ладно, с ними разберусь потом, когда буду застилать кровать. Сейчас главное найти пульт. Звучит почти как «бульк». Бульк, бульк, бульк... Эй, не спать! Вот уже тапочек. Чего же он такой глубокий? Есть! Тяжелый, длинный пульт у меня в руке, вот она большая, самая главная кнопка. Все последние силы уходят на то, чтобы надавить эту округлую, шершавую мякоть. Теперь уже нельзя остановить процесс. Радио обречено. Заскулила сирена двадцатисекундной готовности, открылись подземные шахты, и тяжелые межконтинентальные ракеты проросли на поверхности. Торжественно преодолели силу притяжения и устремились в сторону музыкального центра. Они летят, летят...

«Доброе утро, уважаемые пассажиры! Наш поезд отправится по десятому маршруту в семь часов пятьдесят минут. Желаем приятной поездки!» Опять радио? Нет, его руины еще дымятся. Это же в моей голове! Не открывая глаз, я вижу большую железнодорожную станцию. Буду диспетчером. Хоть увижу, что в голове творится. Голова начинает болеть. Пассажирский экспресс медленно трогается с места и, противно гудя, исчезает в дали. Рельсы в собственной голове. По поверхности мозга проложены железнодорожные пути, стрелки, станции, столбы, семафоры. Я машинист поезда, идущего вдоль какой-то извилины. Приятный розоватый

пейзаж окружает наш экспресс. В одном месте пути проложены совсем близко к маленькому сосуду. Если не дергать гудок паровоза, то можно услышать, как журчит в нем кровь, журчит и несет кислород к каждой клеточке. Вот и они, вспыхивают на горизонте. Электрические импульсы. Именно из-за них здесь нельзя пустить электропоезда. Однажды я попробовал. По началу все шло хорошо, но на одной из стрелок какой-то импульс решил перескочить от одного нейрона к другому поверх железной дороги, и сразу же произошло замыкание на линии, поезд сломался. Тогда ужасно болела голова. Поэтому я и оставил здесь старые проверенные паровозы. Импульсы еще видны синеватыми всполохами на темно-красном горизонте, когда состав медленно поворачивает. Начинается крутой спуск. Поезд входит в ущелье глубокой извилины, застопоренные колеса ужасно скрипят. Начинается головная боль. Вообще, почему я опять не сплю? Или сплю? Нет, это не сон, но и не явь. Надо попробовать уснуть, сегодня же выходной. Что за шум в диспетчерской башне? Не правильно перевели стрелки, этого следовало ожидать. Я уже вижу товарный состав, который идет почти перпендикулярно моей ветке, чуть под уклон. Только крушения мне не хватало. Тормоза уже не спасают. Остается только одно. Я перебираюсь в первый вагон своего пассажирского экспресса, отцепляю паровоз и бегу по вагонам, срывая стоп-краны. Уже в хвостовом вагоне я слышу скрежет и шум столкновения моего паровоза с товарным составом. Еще и голова

ужасно болит. Если бы в моем экспрессе были пассажиры, то получилось бы, что я их спас, но пассажиров здесь нет и никогда не было. Просто мне было жаль такие красивые пластмассовые вагончики. Как же болит голова! Вот, наконец, прибыла пожарная команда и начала поливать все прохладной пеной. Боль утихает, утихает, утихает...

«Доброе утро, милый!» Любимая, сегодня же выходной, я... Стоп! Ты же ушла. Вернулась? А зачем? Да нет, я рад, только спать очень хочется. Хорошо, давай поболтаем. Только я не буду открывать глаз, а то ты исчезнешь. Почему ты ушла от меня? Нет, я не псих вовсе. Да, мне нравится летать, и я стараюсь научиться. Я уже на секунду могу оторваться от поверхности. Уверен, если еще сильнее махать, то у меня обязательно получится. Конечно, я любил тебя. Теперь? Люблю, но стараюсь забыть. Ты же ушла от меня. Говоришь, лучше жить с нормальным. Может быть, может быть, но ведь нормальные не летают. Ладно, ладно давай не будем про полеты. Ты сейчас счастлива? Это хорошо. Иногда тебе меня не хватает? Мне тебя тоже. Помнишь, как мы устроили пикник под луной и случайно нашли заброшенный остров? Я назвал его тогда твоим именем. Ты права, именно там я познакомился с птицами. Опять мы вернулись к полетам. Знаешь, иногда я думаю, что мог бы стать каким захочешь, если ты вернешься. Что? Тебе уже пора? Давай обнимемся на прощанье, мы же тогда так и не попрощались...

Я проснулся и открыл глаза. Было обычное утро выходного дня. Умылся и вышел на крышу своего дома. На домах клоками лежали тучи, а поверх них сияло солнце. Я заметил стройный птичий клин, летящий к солнцу. Именно тогда я понял одну простую и важную вещь. Всех нас здесь держит сила притяжения нашей планеты, неважно, земляне мы, марсиане или просто жители Сатурна. Для того, чтобы летать, нам надо просто отдать себя во власть другой звезды. И все.

Мои ноги медленно оторвались от крыши, и я полетел.

Белый город

Теперь уже нельзя сказать наверняка о существовании Белого Города. Пашка пропал без вести, его поиски ничего не дали. Его Ольгу я никогда не видел и не знаю где она теперь и что с ней, но подозреваю, что и она ушла вместе с Пашкой. Со времен я все больше верю в то, что они ушли в Белый Город. Я пытался найти это место, но, видимо, мне не хватало чего-то, что было у них. Не знаю. Попробую описать всю эту историю, может, найдется тот, кто видел Белый Город.

Моя машина буквально извивалась, а не ехала по заваленной снегом улице. Я упрямо давил на педаль газа, полагаясь на то, что он меня вытянет. Тормозить в таком месиве было безумием. Впрочем, это я и сделал в следующее мгновение. Я выжал одновременно тормоз и сцепление в тот момент, когда идущий по встречной полосе полно приводной монстр выкинул на мою половину дороги человека. Здоровый джип, словно шар, смел кеглю пешехода. Человек нелепо раскинул руки и почти нырнул в дорожное месиво. Уже в это время моя машина шла юзом, а я бешено крутил руль, пытаюсь удержаться на всех четырех колесах. Спасительным оказался сугроб на обочине. Я зарылся в него почти по лобовое стекло и заглох. В салоне повисла тишина. Джип уже укатил.

Я успел запомнить только половину номера. Вызвав машину скорой помощи и милицию, я вылез из машины. На улице было удивительно спокойно, шел небольшой снежок, усталые фонари светили больше из жалости, чем для освещения. В двух метрах от своей машины я заметил темнеющее в снегу тело. Подбежал. Молодой парень лежал на спине, никаких видимых повреждений не было, дыхания тоже. Осторожно коснулся шеи – пульса почти нет. Я рванулся к машине за аптечкой, хотя толком не помнил, что надо делать в таких случаях. Скорая подъехала, когда я тащил к пострадавшему аптечку и плед, оказавшийся на заднем сиденье. Сразу за машиной скорой помощи приехали инспектора ГАИ. Я рассказал о случившемся. Подозрения с меня сняли очень быстро, так как на другой стороне дороги нашли сумку сбитого парня и, когда его уже увозила скорая, по радио сообщили о задержании того джипа. Он уехал очень недалеко от места событий, ему перебежал дорогу фонарный столб, причем прямо перед постом ГАИ. Водитель был настолько пьян, что даже самостоятельно выйти из машины не смог, хоть она и не очень была помята. Я дал врачам свою карточку и попросил их сообщить мне, когда они довезут сбитого парня до реанимации. Гаишники подцепили меня тросом и вытащили из сугроба. Почистив фары, я поехал домой. Ехал медленно, потому что начали мелко трястись руки, и капельки пота, выступившего на лбу, попадали в глаза. Из больницы мне позвонили уже домой ближе к утру, сказа-

ли, что все необходимые операции по сшиванию и склеиванию этого парня прошли успешно. Он родился в рубашке, если бы не сугробы на дороге, я бы не нашел у него пульса вообще. Через пару недель этот инцидент был забыт.

Пашка появился у меня в июле.

На пороге стоял невысокий молодой человек в затрапезного вида джинсовке. На веснушчатом носу повисла капля дождя, который лил уже не первый день.

– Здравствуйте, мне врачи, когда выписывался, дали вашу визитку. Я Павел, вам можно просто Пашка, вот.

– Здравствуй. Ну, проходи.

Гость копошился в прихожей, пытаюсь не сильно наследить и одновременно разуться, а я постепенно вспоминал зимний инцидент. Мы прошли в гостиную и устроились в креслах перед затопленным камином. Было не по-летнему холодно. Пауза явно затягивалась. Надо было что-то говорить.

– Как здоровье?

– Врачи подлатали, говорят, если бы не вы, ну тогда, на дороге, мне бы не выжить. Спасибо.

– Не стоит. Я же случайно там оказался. Честно говоря, ты меня не очень порадовал, когда летел мне под колеса.

– Понимаю, сам водитель. Все же спасибо. Я тут вам принес, ну, вроде презент как бы. – из кармана куртки появилась бутылка «White Horse».

– Спасибо конечно. Тебе это сейчас просто необходимо, а то подхватишь простуду, как я. Сейчас принесу посуду.

Проводя инспекцию на собственной кухне в поисках подходящей посуды, я пришел к мысли, что не просто поблагодарить пришел меня Пашка. Была какая-то недосказанность в его поведении. С одной стороны, меня это настораживало, а с другой, я был рад компании, так как три дня сидел сиднем дома из-за простуды. Поставив на небольшой стеклянный столик с колесиками два тяжелых бокала, ведерко со льдом и бутылку с тоником, я немного подумал и добавил ко всему этому коробку сигар. Первый глоток первоклассного алкоголя уже благотворно подействовал на мое воспаленное горло и сизый дым сигары окутал меня и моего гостя, когда Пашка заговорил:

– Только вы не подумайте, что я пришел к вам за советом или потому что боюсь осложнений после сотрясения. Я из вашей визитки узнал, чем вы занимаетесь. Просто, понимаете, – Пашка залпом осушил бокал, долил еще, кинул льда и продолжал, – мне почему-то кажется, что вы теперь связаны с моей судьбой. Ольге я пока не решаюсь всего сказать, а вам, думаю, могу. Всю свою жизнь я верил, не везде человеку так плохо. Может, потому что я сирота, а может, мне просто никогда не везло. Не знаю. Довольно рано я стал увлекаться научной фантастикой, думал, все хорошее ждет человека впереди. Но будущее постепенно приходило, я вырослел, а ничего не менялось. И тогда я обратился к истории,

к прошлому, мечтая там найти лучшее время и извлечь уроки. Однако, чем дольше я учился на историческом факультете, тем острее чувствовал, что история – это не фортуна с мифическим колесом, а старуха с косою, которая ничему не может научить человека из-за его упорного нежелания учиться. И вот около двух лет я жил в полной пустоте и безнадежности. Все изменилось после того, как я попал в больницу, сбитый зимой машиной. – Пашка остановился передохнуть, и манипуляции со стаканом и льдом повторились. – После нескольких часов в операционной я вдруг как бы очнулся. Я все знал и вроде это был не я. Не знаю, как объяснить, я будто вдруг вошел в какую – то дверь и очутился на берегу моря или океана. Это не было похоже на пресловутое отделение души от тела, нет. Я видел свое тело, чувствовал песок и ветер, тепло солнца и брызги воды. Недолго я пробыл там тогда, что-то вернуло меня назад в операционную, – сигара Пашки обожгла ему пальцы, и он, чертыхнувшись, кинул ее в пепельницу, – с тех пор это место не давало мне покоя. Оно преследовало меня в снах и даже иногда наяву. Меня непреодолимо тянуло туда. Каким-то шестым чувством я понял, что это тот мир, который я искал всю свою жизнь. Незадолго од выписки я научился управлять той дверью, и смог попасть в тот мир, когда захочу. Я пробовал фотографировать там, но фотографии не получались. Теперь я человек двух миров. Понимаю, вы мне не верите. Что ж, посмотрите вот это, а я, пожалуй, пойду, спасибо.

Не успел я выйти из оцепенения, куда поверг меня рассказ Пашки, он вскочил с кресла и выбежал на улицу, хлопнув дверью и прихватив свои ботинки. На столике рядом с недопитой бутылкой лежала видеокассета. «Хорошо, что сам ушел,» – думал я, машинально запихивая кассету в видеомагнитофон. Что я надеялся увидеть там? Очередные откровения психа, сеанс измененного состояния сознания наркомана? После непродолжительного черно-белого мерцания на экране появилась стена комнаты со скудной мебелировкой. Возле стены стоял стул. Внизу экрана светилась дата и бежало время, фиксируемое видеокамерой. В кадре появился Пашка и сел на стул. И тут произошло то, что я никак не ожидал увидеть – Пашка исчез. Просто взял и исчез. Все осталось, стена, стул, время не прерывалось ни на секунду, а Пашки не было. По счетчику камеры прошла пара минут, и на стуле снова оказался Пашка. Волосы его были мокрые, на босые ноги налип песок, в руке он держал лист какого-то тропического растения. Он посмотрел в камеру, прямо на меня и спросил: «Теперь верите?». На экране вновь замелькали черно-белые снежинки, а я сидел и тупо смотрел на них. Через два дня я отвез кассету знакомому телевизионщику, и тот подтвердил, что запись подлинная. Никакого монтажа!

Каждый день я ждал, что Пашка объявится, но проходили дни, а его все не было. Только в конце декабря, перед са-

мым Новым Годом он оказался у меня на пороге. Мы молча прошли в гостиную и заняли наши прежние места у камина. Он сильно изменился. Сильный загар, спокойная улыбка, вальяжная поза, но в глазах иногда мелькала какая-то тревожная искорка. Я не выдержал первым:

– Ну, как?

– Потихонечку.

– Там, там, как?

– Отлично. Подзагорел, отдохнул. Море, пляж, природа и никого.

– Говоришь, как про курорт! Ты все осмотрел там? Рассказывай, черт, не тяни!

– Далеко от берега я не уходил. Там за лесом холмы, а через лес идет тропинка, хотя ни чьих следов я никогда не видел. Что-то останавливает меня у самого подножья холмов. Вернее, останавливало.

– Останавливало?

– Да, дело в том, что последние несколько раз я брал с собой Ольгу, мою девушку.

– Как это ты ее брал?

– Просто взял за руку, и она вошла туда со мной. Я пробовал экспериментировать на улице с одним алкашом, но ничего не вышло. Наверное, у человека что-то особенное должно быть, чтобы он мог пойти со мной. Не знаю. Ну, так вот, вчера мы были там снова и все было здорово. Мы купались загорали, любили друг друга, устроили пикник из принесен-

ных с собой продуктов. Да. – Пашка прикрыл глаза и, видимо, отдался приятным воспоминаниям.

– Ну?

– Все бы было здорово, если бы перед самым уходом Ольга не потянула меня через лес к холмам. Мне этого очень не хотелось. Какие-то предчувствия тревожили меня. Несмотря на это, Ольге удалось затащить меня на вершину холма. И мы увидели, что там, по другую сторону холма.

– Ну?

– Там, там огромная зеленая долина с широкой голубой лентой реки, а в ней, в долине...

– Ну, говори же!

– Белый город. Ослепительно белый. Никакие дороги не ведут к нему, там не видно никакого движения. Он просто стоит на берегу реки. Ольга смогла заставить меня забраться на холм, но пойти в город заставить не смогла. Когда мы вернулись, выяснилось, что она видела ультрасовременный город, бред футуристического гения, а видел крепостную стену и причудливый замок. Не знаю...

– Тебя что-то беспокоит?

– Да, мы условились встретить Новый Год в том мире. Боюсь, Ольга сможет заставить меня пойти в город...

– Заставить?

– Да, меня и отталкивает от него и тянет, одновременно.

– Да... дела...

– Ладно, спасибо за гостеприимство. Пора, пойду. Вер-

нужь и расскажу, как там. Может, еще вместе сходим, позагораем.

Я проводил Пашку до двери. Он крепко пожал мою руку, развернулся и сделал несколько шагов, потом вдруг бегом вернулся, сунул мне в руку мятый конверт и окончательно скрылся в начинающейся метели.

С тех пор я никогда не видел Пашку. Через два месяца я начал его искать. Сначала в больнице, где его оперировали мне дали его рабочие и домашние координаты, потом я побывал в знакомой квартире. Ее сдавали уже другому человеку. На работе мне тоже ничего не могли сказать. Я обратился в милицию, через полгода безрезультатных поисков следователь сказал мне, что дело самый обычный «висяк». Я так никогда и не узнал, что стало с Пашкой.

Сегодня, разбирая бумаги, я наткнулся на мятый конверт и вспомнил в подробностях всю эту историю. В конверте был листок из школьной тетради, на нем неровным почерком было написано: «Спасибо за ту надежду, что вы спасли вместе со мной». Я усмехнулся. Кривая вышла усмешка, горькая. Мне никогда не увидеть белый город.

Зеленый заяц

Вы когда-нибудь задумывались над тем, что может быть важнее зеленого зайца? Я раньше тоже не задумывался. Но «раньше» кончилось, и теперь я вспоминаю все наши встречи с ним.

Первый раз я шел по улице и пересчитывал муравьев, попадавшихся на пути. Особенно больших приходилось либо перепрыгивать, либо обходить. Пару раз я случайно наступал им на лапы, и они недовольно ворчали. Потом я увидел зеленого зайца. Он шел параллельным курсом, ловко избегая встреч с муравьями. Одно его ушко было небрежно пришито, и из-под него торчал клочок замусоленной ваты. Он крикнул мне тогда: «Привет!». Я понял это только по его бумажной улыбке. Слова я понимал еще плохо, мне было год с небольшим от роду. Отвлечшись на зайца, я не сразу заметил большого черного муравья. Тормозить было уже поздно, да у меня это и плохо получалось. Под ногами что-то хрустнуло и маленькие зубчатые колесики брызнули от меня в разные стороны. Я хотел наклониться и собрать сломанного муравья, но мне сказали, что он почему-то умер и его уже нельзя починить. Меня это огорчило, но нисколько не убедило. Я поднял глаза, чтобы поговорить об этом с зайцем. Но его уже не было. Решил, что спрошу потом.

Заяц сидел на плече, его зеленая плюшевая шкурка забавно блестела под солнечными лучами. Он повернул ко мне мордочку, я и помахал ему рукой, будто мы были сто лет или больше знакомы. Мне ужасно загроживал обзор букет пахучих растений, которых люди по свойственной им прихоти называли также, как и огоньки на светофоре – цветами. Мне так и не удалось выучить их названия. Скорее я мог бы описать их запах, но в разные годы он будил во мне разные мысли: неизвестность дальних странствий, пряность весны, аромат ложбинки между грудями женщины, коньяк бонапартистской Франции, лунная дорожка на поверхности ночного моря. Сейчас, когда мне уже нечем уловить все эти запахи, я могу только вспоминать. Я знал, что мне надо спросить зайца о чем-то важном, давно задуманном. Казалось, улыбнись он как в первый раз, и сразу все вспомню. Он подмигнул мне и спросил: «Как поживаешь, дружок?». Я начал рассказывать что-то несущественное, быстро и сбивчиво. Боялся, что он исчезнет, к тому же мохнатая пыльца с букета постоянно лезла в нос и рот. Заяц слушал меня и, казалось, кивал, соглашаясь. А может, это плечо, на котором он сидел, качалось в такт движения толпы. Я так увлекся рассказом, что не заметил, как толстая туча съела солнце, и шкурка зайца стала темной с зеленоватыми отблесками. Будто в плюше на его спине прятались его сородичи, солнечные зайчики, которые не успели вернуться домой, до того, как их дом сожрала ту-

ча. Выглядела она очень довольной, я даже слышал урчание ее живота, который ясно давал понять, что это уже не первое солнце за этот день. «Не люблю дождь», – сказал заяц. Только я хотел сказать, что его и нет, как на мой нос упала тяжелая и холодная первая капля. Туча не выдержала и лопнула. От неожиданности я затряс головой и угодил прямиком в гущу ненавистного букета. Протирая глаза от пылицы, я увидел, как зеленый заяц соскользнул с плеча и исчез в толпе. Я бросился за ним, затряс плечо, на котором он сидел, с требованием сказать, куда ушел заяц. Меня оттолкнули: «В первый класс идет, а все про зайцев думает!». Толпа кончилась, вскоре кончился и дождь. Я стоял посередине, в одной руке сжимая обвисший и скуксившийся букет, а в другой ощущая несколько пушинок от шкурки зеленого зайца, которые я стряхнул с плеча. Осторожно, с трепетом раскрыл ладошку, пушинки залоснились от влаги. Вдруг я заметил двух промокших и потускневших солнечных зайчиков. Они запутались в мокром зеленом пуху, их крылышки слиплись. Я тихонько дунул на них. Они встрепенулись и, хитро захихикав, вспорхнули с ладони. Унесли с собой на новое солнце все пушинки, которые были у меня. Я знал, что мы еще встретимся с зеленым зайцем, но ревел тогда всю ночь.

Была весна. Сидеть на прелой скамейке было неудобно, но и просить ее встать с моих колен не хотелось. Сейчас, когда у меня нет возможности почувствовать сырость дере-

ва, почувствовать ладонью мягкость мха на ножках скамейки, теплоту и тяжесть женщины на моих руках, я немного жалею об утрате возможности чувствовать. Теперь вечность отобрала у меня все чувства. Мы сидели так уже довольно давно. Ласковое весеннее солнце гладило меня по небритым щекам, я же гладил по щекам ее. Она притихла на моем плече, шепча что-то нежное мне на ухо и покусывая его. Я видел окружающий мир сквозь белесую дымку глухих звуков. Неподалеку играли дети, их матери обсуждали свои проблемы, студенты всех мастей пили пиво. Я плавал в густом море звуков, они были мягкими и убаюкивающими.

Вдруг, в этом море что-то плеснулось, как будто в воду бросили маленький камешек – бульк. Мой слух уловил вопрос: «Ты помнишь меня, дружок?». На противоположной скамейке, среди детских игрушек, сидел зеленый плюшевый заяц. Он ничуть не изменился. Вата все так же торчала из уха, бумажный рот улыбался, солнечные братья его играли на его шубке. Он сидел и болтал задними лапами, одетыми в белые ботиночки. «Привет», – прошептали мои губы. Заяц наклонил голову на бок и спросил: «Чего ты еще не сделал?». Отвечать вслух не было необходимости, я просто закрыл глаза и начал вспоминать. Я отдавал ему события своей жизни, так как сдают игральные карты, в виде картинок, звуков, запахов, ощущений. В самом конце я понял, что не сделал чего-то самого главного в жизни, но чего –

я не знал. «Ты счастлив?» – спросил мой плюшевый собеседник. Я кивнул. Один из детей, игравших в парке, подбежал к скамейке и схватил зеленого зайца за лапу. Он успел подмигнуть мне на прощанье, прежде чем ребенок потащил в песочницу мертвую тряпичную куклу.

Это была наша последняя встреча перед уходом. Я отпустил машину и шел пешком. Шел по старому парку. Мы были знакомы не один десяток лет. Я умел разговаривать почти со всеми здешними обитателями. Мы мысленно здоровались и желали друг другу долгих лет. Колочий осенний ветерок бежал передо мной и вилял хвостом, как преданный пес, расчищая дорожку от мертвой пожухшей листвы. Он терся о мои ноги, прося ласки. Я нагнулся и потрепал его за загривок. Все было хорошо. В самом сердце парка, куда даже дворники предпочитали не заходить, мой путь пересекла молодая мать с ребенком. От неожиданности я выронил сигарету – ребенок нес моего зеленого зайца. Я догнал их и пошел рядом. Мама мальчика заметно нервничала: видимо, фигура в плаще и широкополой шляпе не внушала ей доверия. Что ж, к концу жизни я понял, что подозрительность – это такое же человеческое качество, как необходимость дышать. Мне всегда было жаль людей за то, что на все они смотрят со своей точки зрения, через призму самого себя. Возможно, они научатся когда-нибудь просто воспринимать, при условии, что первого человека, открывшего такую

форму восприятия мира, не упекут в клинику. Сейчас меня это мало заботило. Я не сводил взгляда с зайца. Я послал вперед, чтобы он разогнал случайных прохожих, по моей команде деревья и кусты скрыли нас. Мальчик тащил игрушку вверх ногами, и иногда уши зайца погружались в дорогу. Я ждал. Вот он открыл один глаз, затем другой. Плюшевая кукла ловко забралась на плечо ребенка и уселась там словно в седле.

– Рад тебя видеть, дружок!

– И я рад. Как вообще?

– Вполне. Я вижу ты много достиг. Скоро придет твое время. Ты готов?

– Думаю, да. Ты пойдешь со мной?

– А ты бы хотел?

– Да, очень.

– Договорились, когда понадобится, я приду. Теперь – прощай!

Заяц развернулся спиной по ходу движения и, взмахнув лапами, нырнул вниз. С тихим всплеском погрузился он в темноту дороги и очень скоро затерялся в глубине среди водорослей. Мама с ребенком шли дальше. Мальчик все так же тащил вниз головой свою игрушку.

Теперь я здесь. Ко мне пришел зеленый заяц, и сейчас мы вместе уйдем. Он берет меня за руку. Странно, у меня нет тела, но я чувствую теплую пушистость его ладоней.

И у тебя есть свой зеленый заяц, хотя, скорее всего, ты не помнишь о нем. Но ты вспомнишь, потому что это, быть может, единственное, что связывает тебя с самим собой. Придет и твое время.

Медленно, медленно мы поднимаемся вверх, все выше и выше над заснеженным городом. К звездам.

Метель

Нас огромное количество. Движимые неизвестной силой, мы шарахаемся из стороны в сторону, толкаемся и неизбежно падаем. Если мы падаем медленно – нами любуются, нас ловят и разглядывают, пока мы не испаряемся. Если же нас много, и мы стремительно несемся к земле – нас ненавидят и проклинаяют. Каждая из нас есть отдельность в своем проявлении в этом существовании. Ничто не рождается выше, чем мы. Я родилась несколько дней назад. Мое величие в том, что я несу в себе частицу великого океана, частицу огня из глубинного вздоха Земли и частицу льда с северных шапок планеты. Я живу только в полете. Птица в собственной стае, я подчиняюсь ее условиям; частица бесконечной плоскости, я медленно парю над поверхностью; кусок далекой звезды, я расплавляюсь, пролетая сквозь атмосферу огромные расстояния.

Хорошо бы упасть на крышу или в лесу, в поле, на пустыре. Возможно тогда дожить до весны и возродиться в конечном итоге в своем нынешнем воплощении. Вот подходящая крыша. Главное выбрать нужную траекторию. Я почти у цели. Буду наслаждаться сообществом своих родственников до самой весны, и первая попаду снова на небо. О нет, только не это. Теплый предательский воздух из открытого

окна лизнул мое нежное брюшко, я сразу набухла влагой. Траектория полета непоправимо изменилась, и я пролетела мимо карниза крыши. Подо мной было месиво дороги.

Ноги постоянно разъезжались на льду спрятанном под снегом. Какой идиот сказал, что человек царь природы? Где это видано, чтобы царь в собственном царстве не мог спокойно пройти по дороге. Почему с дорогой надо постоянно воевать, чтобы сделать хотя бы шаг? Видимость практически нулевая, иногда маячат остовы деревьев. Они ждут прихода весны. Я уже давно ничего не жду. С тех пор, как сорок лет назад меня родили, даже не спросив моего согласия, все так и происходит. Самое безвольное существо в этом мире – человек. Все течение жизни доказывает, что от человека не зависит ничего. Что я сделал по собственной воле в этой жизни? Ничего. Всегда приходится делать что-то по чужой подсказке, закону, разрешению. Мы вынуждены поддерживать жизнедеятельность нашего несовершенного организма, обманывая, расталкивая, давя окружающих, ради тех немногих и редких радостей, которые он нам предоставляет. При этом забывая, что это всего лишь оболочка, внутри которой есть нечто настоящее и ценное.

Ну вот, почти и дошел. Осталось перейти дорогу, и вон уже из снежной пелены выплыло желтое здание.

Холодный воздух попеременно со снегом прорывается

сквозь мою радиаторную решетку. Сердце мое горячее и сильное, маленький табун лошадей спрятан в недрах его. Мне всего два годика. Умелые и заботливые руки собрали меня на далеком заводе. Я величайшее изобретение человеческой лени – автомобиль, большой, полно приводной, дизельный автомобиль. Сердце стучит глухо и ровно, по сосудам шлангов бежит кровь солярки. У меня есть хозяин. Он очень заботливый, кормит меня, моет, лечит, прячет в теплый гараж. Только он слишком слаб для такой сильной машины, как я. Мне приходится вспарывать заснеженную дорогу. Фары постоянно в снегу, маленькие щетки трут их до скрипа. На очередном повороте меня немного заносит, и я больно ударяюсь задним колесом о бортик тротуара. Жаль, что у меня такой неопытный водитель. Вот и прямая дорога. Справа спящий парк, слева ряд серых и желтых зданий. С легким щелчком хозяин передвигает ручку коробки передач, встроенную в мой спинной мозг. Он хочет еще скорости, что ж, пожалуйста.

Маленькая снежинка не успела еще улечься поудобнее среди своих сородичей на кромке тротуара, как на нее обрушилась нога человека, обутая в грубый ботинок. Подошва с тихим хрустом раздавила ее хитиновый панцирь и сотни других снежинок. Под снегом прятался лед, который придал ноге абсолютно неправильную траекторию. Пешехода буквально выплюнуло на проезжую часть. Дорога все – таки взя-

ла свое. Вынырнувший из стены снега автомобиль боднул падающего человека в спину и подбросил его высоко над мостовой. Скрип заклиненных колес, шуршание брызг снега и звонкий поцелуй бетонного столба. В наступившей тишине было слышно, как ветер сбивает кусочки разбитого лобового стекла и колышет вырвавшуюся на свободу из душного салона машины занавеску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.